

Максим Антонович

Из воспоминаний о Николае Александровиче Добролюбове

Максим Антонович

**Из воспоминаний о Николае
Александровиче Добролюбове**

«Public Domain»

1902

Антонович М. А.

Из воспоминаний о Николае Александровиче Добролюбова /
М. А. Антонович — «Public Domain», 1902

«В половине 1859 года я оканчивал курс в С.-Петербургской духовной академии. С каждым годом моего учения в академии я все более и более убеждался, что теологическая специальность и духовная служба мне вовсе не по душе, и мое внимание направлялось более на философию и вообще на светские науки, чем на науки теологические. Перед окончанием курса я окончательно решил оставить духовное звание и посвятить себя деятельности не на духовном, а на каком-нибудь другом поприще. Прежде всего я рискнул попытаться проникнуть на литературное поприще и для пробы написать что-нибудь, что могло попасть в светскую печать...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Максим Алексеевич Антонович Из воспоминаний о Николае Александровиче Добролюбове

*И делал я благое дело
Среди царяющего зла¹.*

Добролюбов

В половине 1859 года я оканчивал курс в С.-Петербургской духовной академии. С каждым годом моего учения в академии я все более и более убеждался, что теологическая специальность и духовная служба мне вовсе не по душе, и мое внимание направлялось более на философию и вообще на светские науки, чем на науки теологические. Перед окончанием курса я окончательно решил оставить духовное звание и посвятить себя деятельности не на духовном, а на каком-нибудь другом поприще. Прежде всего я рискнул попытаться проникнуть на литературное поприще и для пробы написать что-нибудь, что могло попасть в светскую печать.

Для пробной статьи я избрал вот какой сюжет. В то время свирепствовала мания, какое-то поветрие на издание сатирических листков, которые натуживались забавлять и смешить читателей. Во главе их и как образец для подражания стоял «Весельчак», в котором подвизались пресловутый барон Брамбеус (Сенковский) и Львов, автор на шумевшей тогда драмы «Предубеждение». Этот журнал приобрел себе известность только следующим четверостишием-эпиграммой на Панаева, писавшего в «Современнике» фельетоны под рубрикой «Заметки Нового поэта»:

Близ селенья речка,
А на речке мост.
На мосту овечка,
У овечки хвост.

Автором четверостишия подписался «Новый поэт», который просил не смешивать его с Новым поэтом в «Современнике». На это Панаев отвечал таким тоже четверостишием:

Близ селения кабак,
В кабаке же «Весельчак»
Бранит всех без исключения,
Не пришедших в умиление
От его «Предубежденья».

Вслед за «Весельчаком» появилось множество подобных увеселительных листков, и периодических и разовых: «Смех», «Смех под хреном», «Смех и горе» и т. п. Некоторые из этих листков даже не назначали себе цены, а печатали: «Что пожалуете бедному издателю», — что хотите, то и опустите в кружку продавца листка. Довольно полный список этих листков приведен в статье Добролюбова «Уличные листки»². Как будто нарочно и для контраста, в прессе той сферы, в которой я учился и вращался, господствовало противоположное, плакси-

¹ Из стихотворения Добролюбова «Памяти отца» (СсД, т. 8, с. 60).

² Данная статья Добролюбова была напечатана в «Современнике» (1858, № 9; СсД, т. 3, с. 244–254).

вое настроение: здесь и в устных проповедях и в писаниях были постоянные разглагольствования об оскудении в последнее время веры и упадке нравственности и о том, что нужно непрестанно каяться во грехах, сокрушаться и плакать.

Вот я и вздумал изобразить эти два противоположные течения, эти два типа смеющихся и плачущих: сделал множество пикантных сопоставлений в виде борьбы между ними, привел множество выдержек об одинаковых сюжетах, но с противоположным содержанием. Одни говорили: постоянно нужно смеяться, а другие проповедовали: нужно непрестанно плакать. Вышла большущая статья, листа на три печатных. Со страхом и трепетом я понес ее в контору «Современника» для передачи в редакцию. В лихорадке и с замиранием сердца, которое, вероятно, испытывал всякий пробовавший выступить в печать, я ждал рокового для меня ответа, от которого зависела моя судьба. И вот ответ пришел. Не читая его, я прежде всего бросился на подпись; оказалось, ответ подписан Добролюбовым, и я так и замер от опасений и страха; такой неумолимо строгий судья, такой беспощадный критик, – наверное, погибло мое первое писательское создание! Мои опасения оправдались: Добролюбов писал, что статья никоим образом не может быть напечатана, хотя в ней есть места недурные, которыми можно было бы воспользоваться в статье совсем другого типа и характера, чем моя, и в заключение приглашал меня явиться к нему и назначал место и время свидания³. Все пропало, думал я в отчаянии: моя проба оказалась неудачной, и меня приглашают только затем, чтобы возвратить статью. Но, с другой стороны, мелькал и некоторый луч надежды, так как все-таки хоть некоторые места в статье признаны были достойными печати, хотя, может быть, и это написано только для моего утешения.

В лихорадочном волнении и колебании между страхом и надеждою я отправился к Добролюбову. Он принял меня без всяких церемоний и чрезвычайно запросто, как будто давнишнего короткого знакомого или товарища. Самым добродушным, даже приятельским тоном он сказал мне, что моя статья есть махинище более трех печатных листов, что ее могут осилить и вполне понять и оценить только читатели моего круга, академисты и семинаристы, а обыкновенным, заурядным читателям она не под силу и не будет для них интересна, но некоторыми местами статьи можно было бы воспользоваться⁴, и если я дам согласие, то он и воспользуется ими, но даст им совершенно другую обстановку. Затем он участливо стал расспрашивать меня о моем внешнем положении, о моих планах и намерениях, о том, к чему я чувствую особенное влечение, и какая отрасль знания мне нравится и более известна. Он убеждал меня не смущаться не совсем удачной первой пробой и продолжать писать для печати. «Только бросьте, – говорил он, – ваших плачущих и смеющихся, а берите какие-нибудь более серьезные и более общие темы и пишите о них, и я уверен, что следующие ваши пробы будут более удачны. Во всяком случае, – сказал он в заключение нашего свидания, – непременно приходите ко мне вечером в такие-то дни». Темы для статьи я никак не мог найти, но к Добролюбову ходил неупустительно в назначенные дни. Он вел со мною длинные разговоры о всевозможных предметах и теоретических и практических и на темы из самых разнообразных областей знания и жизни. Очевидно, что эти разговоры были для меня чем-то вроде экзамена.

У Добролюбова была небольшая библиотека, но состояла из самых избранных книг. Узнав от меня, что я питаю некоторую слабость к философии, а между тем мало знаком с крайней левой гегелианства и знаю Фейербаха только понаслышке, он дал мне его сочинения и настоятельно рекомендовал проштудировать его два сочинения; «Das Wesen der Religion» и «Das Wesen des Christentums»⁵. «А знаете ли, – сказал он при этом, – кто меня учил философии, да и не одной только философии? Н. Г. Чернышевский, – как будто для довершения пол-

³ Это письмо неизвестно.

⁴ Что имеет в виду Антонович и в какой мере его утверждение соответствует действительности, сказать трудно.

⁵ «Сущность религии» и «Сущность христианства» (меж.). – *Ред.*

ной параллели и аналогии с тем, что у нас бывало прежде: Герцен и Бакунин учили философии Белинского, Белинский учил уму-разуму Некрасова и Панаева, а Грановский был учителем Забелина. А меня вон кто учил»⁶.

Давал Добролюбов мне, между прочим, сочинение Прудона, «*Système des contradictions économiques*»⁷. Когда я, возвращая ему книгу, пожаловался, что в ней нет никаких положительных выводов, что в ней представлены две противоположные системы воззрений, все *pro* и *contra*⁸, но вовсе не указано, как их примирить и что из них вытекает, то он сказал, что это-то и хорошо, что догматичность везде нехороша, что нужно самому думать и самому решать для себя, на какую из противоположностей следует становиться и какие выводы делать из них.

Темы для второй пробной статьи, несмотря на все мое желание и на все усилия, я так-таки и не мог найти. Наконец Добролюбов сжалился надо мною и сам дал мне темы. Он предложил мне для разбора две книги о русском расколе⁹

⁶ Эти строки воспоминаний Антоновича почти в точности восходят к строкам письма Добролюбова к Н. П. Турчанинову от 1 августа 1856 г. (*СсД*, т. 9, с. 248).

⁷ «Система экономических противоречий» (*фр.*). – *Ред.*

⁸ За и против (*лат.*). – *Ред.*

⁹ Имеется в виду рецензия «Что иногда открывается в либеральных фразах!» (Русский раскол старообрядства <...> А. Шапова. Казань, 1859), начальные страницы которой написаны Добролюбовым (*Совр.*, 1859, № 9; *СсД*, т. 5, с. 286–288). Рецензия «Материалы для истории простонародных суеверий (Об антихристе... соч. Никольского. 1859. Le raskol <...>)» появилась в № 6 за 1860 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.